

Виктор Точинов

Три звонка на рассвете

Виктор Павлович Точинов
Три звонка на рассвете
Серия «Темные игры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157301

Аннотация

Ученик дает известному писателю рукопись своей работы, которая представляет собой рассказ маньяка о его преступлениях. Прочитав это произведение, литературный мэтр понимает, что так достоверно мог описать преступления только человек, действительно совершивший эти ужасные убийства...

Виктор Точинов

Три звонка на рассвете

(реквием доктору Джекилу)

В криминальной хронике упомянули – труп нашла хозяйка квартиры. Не совсем так. Да, зашла по утру, за ежемесячным obroком. Но труп – понятие целостное. За труп приняли потом саму хозяйку. И как не принять – лежит в луже крови, не шевелится. Отключилась. Фрагменты в глаза от двери не бросались. Кроме одного. Тот, как всегда, стоял на видном месте. На столе. Да еще и на подставке. Фирменный знак. Подпись.

...Опера курили на кухне. В комнату без нужды не входили. Жалели экспертов – возиться с этим? Понятых отпаивали. Дверь в туалет нараспашку – массовый бунт желудков. А вроде повидали... Не спорили. И так ясно – он. Утренний Мясник. Больше некому. Такой фирменный стиль не подделаешь. Серия. Пятый случай.

И единственный – угодивший на экран. В самом смягченном виде.

...Он телевизор не смотрел. Вообще не включал. Некогда. Не кокетничал – день забит, расписан по минутам. Ночь тоже. И газет не читал. Изредка – криминальные сообщения.

Для работы. Он был писатель. Больше того – учил писать других.

Зачем он это делал? Никто не знал. Говорили: самоутверждается. Да куда уж больше. Самоутвердился. И самовыразился. Вроде достаточно – полку распирают переплеты. Сверкают гляncем. И все – с его фамилией. Слава!

Другие болтали: плодит учеников. Эпигонов. Кровь от плоти, плоть от крови – короче, что-то про чресла. Инстинкт деторождения. Сублимированный. Тоже ерунда – пять детей от трех браков (по слухам). А может – гораздо больше.

Еще версии: иссяк, паразитирует на чужих сюжетах; литературный плантатор ищет себе литературных негров. Как Дюма-отец. У них там фабрика литературная. Романы и рассказы фабрикуют под раскрученным брендом. Тут без комментариев – завистливый визг импотентов.

Так зачем? Непонятно. Но – учил. Три дня в неделю. Вернее, три вечера. ДК – бывший дом бывшей культуры, центр досуга по нынешнему. Четвертый этаж. Комнатенка уставлена колченогими столами. Во вторник там учатся макраме, в пятницу экс-гипнотизер приоткрывает неведомое. А в понедельник, среду, четверг – он. Два часа, иногда затягивается надолго. Группа – когда десять человек, когда пятнадцать. Изредка больше. Девушек половина. Модно, женские романы прут как фарш из мясорубки. Любовные, криминальные, иронические. Женщины-следователи ловят женщин-аферисток – в перерывах между адюльтерами. И все при этом тон-

ко шутят. Пускай.

Пятнадцать пар глаз поначалу недоумевают: он – такой? Такой, такой, что поделаешь. Лысый и лохматый одновременно – остатки волос бунтуют, никак не хотят соблюдать видимость приличий. Да и он не старается. Три вечера – одна и та же рубашка, воротник к четвергу темнеет. В понедельник надевает новую. Все два часа постоянно курит, на столе кофейная банка бычков. Предупреждает сразу: аллергиков и астматиков не принимаю. Глаза глубоко посажены, цвет так сразу и не определить. Взгляд тяжелый. Сидит, упершись ладонью в колено, тянет одну за одной.

И говорит, говорит, говорит. На первом занятии, сразу – ошарашивал: вы – графоманы! Не спорьте, другие сюда не приходят. Будем делать писателей. В чем отличие? Графоман – тот, кто пишет. Писатель – тот, кто издается. Графоман свободен в своих писаниях – для себя старается. Писатель – подчиняется непреложным законам. Кто-нибудь что-нибудь слышал о законах художественного творчества? Забудьте. Писательство – бизнес. Правят законы рынка. Необходимо: а) произвести товар; б) прорекламирровать; в) продать – окупив затраты на первый и второй пункты. То есть: предмет нашего изучения есть маркетинг и менеджмент интеллектуальной собственности. Торговля мозгами. Что «хороший товар в рекламе не нуждается» – такая же ахинея, как и «талант везде пробьет себе дорогу». Кстати, пункт «а» – для кустарей. Для предпринимателей-одиночек. Киты и ма-

монты этого дела – сами пишут очень мало. Почти ничего не пишут. Соавторы, литературные негры... А выстреливают до сотни печатных листов в год – огромными тиражами. Иные – и еще больше.

Сам он относился к иным. В прошлом году – сто семьдесят шесть условно-издательских листов. Рекорд. Тематика самая разная: и вампиры с оборотнями, и классические детективы, и исторические, и фантастические... Токарь-универсал.

Спрашивают: Кого читать? – А зачем? Чукча не читатель, чукча писатель. Вечером допишите, а утром прочтите – на всякий случай. А то многие тут же папку под мышку и бегом в издательство. Если серьезно: Кинга читайте. Кого еще? Снова Кинга. Кроме него? А опять Кинга. Гений продаваемости. Только не вздумайте писать как он, с многостраничным подходом к теме – никто не купит. Когда раскрутитесь – пожалуйста. А сейчас – в первом абзаце – труп на ковер. И пошло действие.

Эрудиция у него кошмарная. Не блестящая – именно кошмарная. Эйденическая память или что-то вроде этого. Помнит все. Или почти все – что читал, что слышал. Обожает выдвинуть дикую идею. Абсурдную. Чтоб едва сформулированная – вызывала неприятие. И блестяще ее отстаивать. Той самой эрудицией. В голове – громадная куча цифр, имен и фактов. Выгребает нужные в споре, остальные задвигает в дальний угол своего громадного чердака. И попробуй по-

спорь.

Многие не выдерживали, уходили. Некоторые – с обидой. Ему все равно. Иные просто не приходили на следующее занятие. Другие пытались выяснить отношения. Один (неплохо писал, ехидно и – коротко) сказал разочарованно: я думал – Вы Учитель. А Вы – говно!

Отреагировал неожиданно. Расплылся в улыбке. В доброй (редкость!): Значит – не зря старался. Значит – выучил. Поздравляю! Выпускной – на пять с плюсом!

И тут же предложил обмыть писательскую зрелость. Обмыли. Потом обоим было противно.

Любил начать разговор с чистой воды провокации: я вот очень жадный! Патологически жадный! Кошмарно! Мозг – ваше богатство. Мысли – проценты с капитала. Тратьте их с толком, любую – на бумагу. Никаких незавершенных задумок, никакой писанины «в стол». Если ты писатель – любая написанная мысль должна быть напечатана. Любая напечатанная – оплачена. Вышло плохо – переделайте. Длинно – сократите. Коротко – растяните. Еще вариант: выверните вещь наизнанку, как грязную рубашку. Может – покажется чище. Оставьте какую-то параллель, все остальное замените антитезами. Заменяйте смелее: дураков на умных, умных на циничных, подвиги на гнусности, любовь на извращение. Опять не выходит? Поработайте с формой. Фразы длинные и сложноподчиненные – рубите на кусочки. Как топором – клубок колючей проволоки. На короткие острые обрубки.

Чтобы в горле застревали, чтобы – не выплюнуть. Чтобы – глотали. (Сам так и писал в последнее время. И – глотали, вспарывая желудки.) Если совсем дело плохо, если ничем повесть или рассказ не спасти – растягивайте до романа. Романы писать проще. Дольше – но проще.

Иногда недели не проходило – начинал вещать совершенно противоположное. Ловили на противоречии – удивлялся: в мире все и всегда состоит из противоположностей. Их единство и борьбу не Карл с Фридрихом придумали, ныне высочайше отлученные и проклятые. Это – Гегель, пока еще анафеме не преданный. Напишите вещь, которая одновременно у одного человека вызовет противоположные эмоции – переживет века.

Одна девица из группы (для него девицы – лет до тридцати пяти включительно) сказала, наедине – что выходя с занятия, чувствует себя морально изнасилованной. И тут же дала понять, что согласна – но добровольно и физически. Не снизошел. Но бывало, еще как бывало. Опусы таких потом анатомировал с особой, садистской беспощадностью.

В ту среду все шло как обычно. Долго вещал о необходимом для продаваемости количестве насилия. Крови не жалеть, сюжет без трупа – не сюжет. А иногда труп сам по себе – сюжет. Представьте его хорошенько, зримо – потом подумайте: а как он там образовался, такой красивый? Что было до? Что стало после? Глядишь, все и завертится.

Ему: а в чем тут сверхидея?

Он: фу-у-у, слова-то какие. А вы не задумывайтесь об идеях. Тем более о сверхидеях. Это хлеб критиков. Идея одна – интересный сюжет. Был бы сюжет – идей к нему подвешивают. Хорошая вещь – которую читаешь в полпятого утра, в семь на работу, но не оторваться – сюжет затягивает. Если с самого начала собрался сеять разумное, доброе, вечное, просвещать и воспитывать – так писать не получится. По неволе полезут ненужные отступления. Герои начнут нести лишнюю ахинею – разьяснять авторскую позицию. К чертям позицию! Читатель уснет. Труп на ковер, кишки по комнате – и понеслось! В любом сюжете какая-никакая идея зарыта – и не занимайтесь эксгумацией. Умные сами докопаются, а дуракам – к чему?

Ему: но ведь это цинизм?

Не смущается: да, цинизм. Есть что-то против? Читатели любят цинизм. Любителей идиллических соплей в расчет не принимаю. Писать для них все равно не научу – сам не умею. А теперь займемся патологоанатомией. Чья сегодня очередь?

Иришка. Ира Чернова. Невысокая, тоненькая – но с округлостями. Застенчивая. Коса до пояса – никогда не распускает. Девочка. Сзади на шее, у косы – родинка. Не красавица. Милая. Когда что-то спрашивает – ушки наливаются розовым. Потом краснеют. И – как два фонарика. И-е-э-эх! Жаль, что для него время девочек прошло – таких. Вот и сейчас: читает рассказ, как школьница на утреннике, голосок

подрагивает. Довольно большой, страниц тридцать – рукописных, ровненьким почерком отличницы. Слушают терпеливо. Сюжет – по автору и не скажешь: мерседес взрывается, выброшенная автоматом последняя гильза звякает в наступившей тишине по бетонному полу, сердце красотки вдребезги разбито о мрачную полуусмешку героя-киллера. Финал немного искупает – неожиданный. Закончила, вернулась на место, ждет.

Он снисходительно-безжалостен. Или безжалостно-снисходителен: неплохой рассказик. Более того, может стать хорошим. Если взять карандаш и вычеркнуть половину. Да не тянись к пеналу – все равно не знаешь, какую. Перекурим и займемся все вместе.

Перекуривали на лестнице. Он тоже – за кампанию, хоть никотином и переполнен... В курилке вопросы задавали смелее. И – ехидней. Курилка уравнивает. Подошел парнишка (все, кто моложе его – парнишки). Протянул прозрачную папочку с листками. Просил оценить. На публике – не хотел. Скромный парнишка, публичности явно не любит. На занятиях сидит за последним столом, один. Вопросов не задает, в дискуссии не вступает, едва виден за прислоненными к стене щитами со старыми афишами. Он даже имени его не вспомнил, но папку взял – прочитаю.

Вернулись, расселись. Занялись вивисекцией. Ушки Ириши, как два стоп-сигнала, но – молодцом. Отбивается. Он молчит, пускай выговорятся. Его слово последнее.

Потом вступает, поглядывая в рукопись: насчет сюжета вы зря. Нормальный сюжет. Продаваемый. Если упаковать соответственно. А упаковка хромает. Итак – о форме. О деталях и детальках. Об отделке. «Блохи» – в избытке. На редакторов не надейтесь, хорошие – редкость, ловите сами. Четыре раза «что характерно» – перебор. Меньше читай Бушкова на ночь, его словечко. «Весело удивился» – тоже чужое, к тому же не к месту. Не с чего ему там удивляться. И веселиться тоже. А от «мочить в сортире» у всех уже уши завяли. Дома займись словами «был», «была», «было», «этот», «эта», «эти». Вычеркивай, заменяй синонимами, перекраивай фразу – не оставляй им места. Кстати, о фразах. Сложносочиненными конструкциями владеешь, молодец. Но в напряженных местах – ни к чему. Там – проще фразы, минимум прилагательных и причастий. Причастные обороты – вычеркнуть до единого. Он пришел – она стояла – он стрельнул – она упала. Так примерно. Убирай подлежащие из предложений – на слух ускоряет темп действия. Главная часть речи – глагол. Потому что универсальная. Глагол можно образовать из всего: из существительного, прилагательного, наречия. Из местоимения и междометия. Ну так образовывай. Запятыми злоупотребляешь, тире слишком мало. Фразы обрывай, мысли недосказывай – и многоточие, пусть додумывают. Теперь об оружии. Не спрашиваю, держала ли ты в руках АКМ – из текста ясно – не держала. Значит так: во вторник на следующей неделе практическое занятие. В тире

на Крестовском. Что? – нет, служившие не освобождаются.
Обойдется это вам...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.